

СОФИ ЖОМЕН

ВЕТРЫ
НАД УСАДЬБОЙ
«ЛИТТЛ
БАЛМОРЭЛ»

Софи Жомен
Ветры над усадьбой
«Литтл Балморал»
Серия «Да здравствует жизнь!
Романтика Софи Жомен»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74671286

Софи Жомен. Ветры над усадьбой «Литтл Балморал»: Издательство

АЗБУКА; Москва; 2026

ISBN 978-5-389-34963-6

Аннотация

Федра не думала, что когда-то ей придется возвращаться во французскую деревушку, где она чувствовала себя как дома. Где окончательно рассорилась ее семья. Где ей разбил сердце Адам, ее первая любовь.

Но тетя завещала ей присмотреть за усадьбой «Литтл Балморал», старым и своенравным местечком, а Федре пригодились бы деньги, иначе ей никак не выплатить больничные счета после смерти мамы.

Адам, в свою очередь, уж точно стал журналистом не для того, чтобы писать безумные статьи о домах, населенных призраками. Но против начальства не пойдешь, и он, вооружившись

диктофоном и скептицизмом, отправляется в командировку по Франции. Путь его пролегает через усадьбу «Литтл Балморал».

Там они и встречаются вновь, Адам и Федра, спустя десять лет, столкнувшись друг с другом и призраками прошлой любви. Какие тайны раскроет им «Литтл Балморал», как в деле замешано письмо, написанное Федрой когда-то давным-давно, и что они узнают про себя и друг про друга под ветхой крышей усадьбы, над которой гуляет лихой осенний ветер?

Содержание

Предисловие	7
1	9
2	23
3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Софи Жомен

Ветры над усадьбой

«Литтл Балморал»

Sophie Jomain

Le Vent Souffle Sur Little Balmoral

Published by arrangement with Lester Literary Agency
& Associates

© 2025, Charleston, une marque des Éditions Leduc

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

*Посвящается Мари-Клод, моей любимой
уроженке Квебека.*

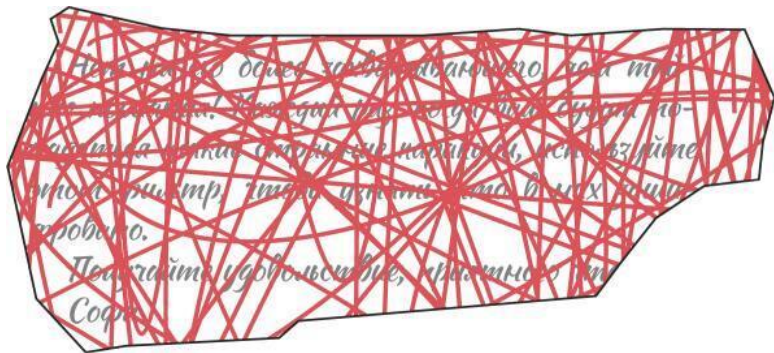
Без нее этот текст утратил бы свой аромат!

Предисловие

Дорогие читатели и читательницы, вы наверняка заметите в этом тексте кое-какие упрощения при описании бюрократических процедур, возможно даже, немало несообразностей по части нотариата. Не судите строго, порой сюжет требует отхода от реальности. И как бы я ни старалась отдать должное прекрасному департаменту Крёз, не ищите на его карте деревню Корнеот, ее не существует.

Наконец, если вы недоумеваете, зачем нужна эта красная пластмассовая штучка, которую вы нашли в книге, то просто попробуйте посмотреть сквозь нее на красные каракули ниже и... прочтите написанное!

Корнеот,

4 августа 2025 г.

Дорогая мадемуазель Демэ,

на меня возложена обязанность урегулировать вопросы с наследством г-жи Ренаты Клаврей, проживавшей в Корнеоте, Франция, и скончавшейся в Гере 24 июля 2025 г.

Согласно имеющимся у меня сведениям, вы являетесь единственной обладательницей права на наследство г-жи Клаврей. В связи с этим сообщаю, что в ее завещании единственной ее наследницей названы вы.

В целях оформления всех необходимых документов направляю вам прилагаемую анкету и буду признателен вам за предоставление ее в заполненном виде вместе с копиями обеих сторон вашего удостоверения личности и свидетельства о браке ваших родителей.

После получения этих документов и их надлежащей проверки я свяжусь с вами с целью доведения до вашего сведения содержания завещания вашей тети.

В ожидании ваших документов прошу, дорогая мадемуазель Демэ, принять мои искренние соболезнования.

С уважением,

Артюс Троттца,
нотариус

1

Федра

Возвращение в Корнеот

3 октября

Я оставила позади пламенеющие просторы Квебека, и, даже если Крёз сильно отличается от моей канадской родины, осень здесь не менее пленительна, чем там. Всюду пестреть рыжая и золотистая листва, восхищая мой замороженный взор палитрой невероятных красок. Люблю, когда на смену лету приходит магия октября, в это время все выглядит романтичнее и даже как-то душевнее. Мне кажется, что из четырех времен года осень – самая бодрящая. Я всегда предпочитала ее трем остальным.

Я сбрасываю скорость при виде дорожного знака в красном ободке, какие ставят во Франции на въезде в населенный пункт. Ограничение скорости здесь – 50 км/час. Еще двести метров – и уже 30 км/час. Поблизости школа, вон она, сразу за трехарочным мостом через реку Крёз. Летом вдоль берегов реки цвели кувшинки, звенело лягушачье кваканье. Чуть поодаль я вижу пекарню, девять лет назад здесь еще выпека-

ли хлеб в дровяной печи.

Я все помню, словно это было вчера: дома из серого камня, остатки старинных крепостных стен, мэрию на маленькой площади с фонтаном, уютные скамейки под платанами. Как все это прелестно!

Никогда бы не подумала, что однажды вернусь в Корнеот, колыбель моей семьи с маминой стороны. Последний раз я была здесь 24 июля 2016 года, тогда в синем небе не было ни облачка и жара позволяла плескаться в реке. Мне тогда только исполнилось шестнадцать, и то немного, что оставалось от моей семьи, разлетелось на куски.

Атлантику не пересекают так, как переходят через улицу, просто чтобы заглянуть в знакомую булочную. Мы с мамой нечасто навевались в Корнеот, а после ее ссоры с сестрой совсем перестали сюда приезжать.

Что это за история? Ее не очень приятно рассказывать, хоть она и стара как мир: Альтигеймер, похороны, быстро промотанное старшей дочерью наследство и разгневанная допущенной несправедливостью младшая дочь, оставленная без гроша и лишенная всяких шансов исправить положение. «Это не твое дело, – предупредила меня школьная подруга, когда я вернулась в Квебек, – пусть взрослые сами разбираются со своими делами, они часто оказываются такими крестинами, когда доходит до денег!» Возможно, и так, но это многое испортило, и с теткой я с тех пор не разговаривала.

А что сегодня? У меня нет ни родителей, ни бабушек-де-

душек, ни дядюшек, ни кузенов, я единственная в целом свете носительница родовой фамилии Демэ, а значит, наследница всего оставшегося добра.

Ирония судьбы... Моя мать сейчас, наверное, переворачивается в гробу. Чтобы я согласилась опять заглянуть в эту дыру, завешание должно быть очень заманчивым. Даже если Корнеот – чудесное местечко, на что намекает само имя городка¹, у меня связаны с ним наихудшие воспоминания юности. Нотариус не раскрыл в нашей переписке подробностей, но я точно знаю, что унаследовала: это дом моей тетки, и какой! Настоящая усадьба, построенная в начале XIX века, нечто недоступное, такое видишь разве что в кино и иногда вдоль дорог, когда едешь в отпуск, жить в такой – несбыточная мечта. Для большинства подобное приобретение – недосягаемая роскошь. Для большинства, но не для моей тети-художницы. Картины, афиши, детские книги, плюс денежки, которые она получила от моей бабки, – все это позволило ей свить здесь уютное гнездышко, как ни возмущалась этим моя мать.

Сейчас все это уже неважно. Я наследница, продам усадьбу – и скорее прочь отсюда, назад, домой!

Я проглатываю свою горечь и, поколесив по улочкам, останавливаюсь недалеко от мэрии, симпатичной каменной постройки в окружении платанов, оплетенной желтеющим диким виноградом.

¹ Cornehotte можно перевести с французского как «высокий рог». (Прим. пер.)

Вылезаю из арендованной машины, надеваю рюкзак на плечо, беру под мышку папку с документами и иду к темно-красной двери на углу улицы. Судя по позолоченной табличке, за дверью помещается нотариальная контора, где у меня назначена встреча.

Я толкаю незапертую дверь.

Уже пять часов вечера, секретарь мэтра Троттуа ушел, и нотариус ждет меня один.

– Федра Демэ! Рад знакомству с вами! – сердечно приветствует он меня, протягивая руку. – Вы – вылитая тетя! Вам об этом говорили?

В детстве я только это и слышала, моей матери это действовало на нервы. В курсе ли мэтр Троттуа, что для меня это не комплимент? Сомневаюсь; почти уверена, что тетка корчила из себя обиженную, а то и хуже, врала про нас, изображая маму и меня злобными дикарками.

Я вежливо киваю и жму ему руку, оставляя его вопрос без ответа.

– Здравствуйте, мэтр.

– Вам пришлось проделать неблизкий путь, чрезвычайно признателен вам за это, садитесь, будьте так добры. Будьте ночевать в Корнеоте?

– Нет, в Гере. Во всяком случае, ближайшую ночь.

– Постараюсь вас не задерживать, дни становятся короче, не хочется заставлять вас ехать в темноте. Что будете, чай, кофе? Есть то и другое.

Этот нотариус – сама любезность. Так и хочется снять маску досады, надетую перед его дверью. Я облегченно перевожу дух.

– Не откажусь от чая.

– Как насчет добавок? Хотите полакомиться? Печенье – язык проглотите!

Как тут откажешься?

Таких нотариусов, как этот мэтр Троттуа, скажу я вам, надо поискать. Он сама предупредительность.

– Я всегда стараюсь насладиться сезонной благодатью, – сообщает он, опуская в чашку пакетик. – Яблоки, орехи, корица... Осень – отрада для взора!

Он заставляет меня расплыться в улыбке.

– Согласна с вами, это и мое любимое время года.

– Раз так, то вам понравится жить в Корнеоте! Осенью здесь красивее, чем где-либо еще.

Я шуюсь, и не потому, что он воображает, будто на свете существует место, обгоняющее по красоте пейзажей мою Канаду.

– Жить здесь?..

– Вы правы, не будем впрягать телегу впереди лошади. – Он ставит передо мной чай и садится за свой стол. – Первым делом бумаги, будущее потом.

Пока он расшнуровывает папку, я смущенно откашливаюсь.

– Мэтр Троттуа... я даже не знаю, от чего и где скончалась

моя тетушка. Последние годы мы мало общались.

Он поднимает глаза и ждет несколько секунд, прежде чем ответить. Я гадаю, о чем он размышляет. Вдруг о том, что я недостойна наследства?

– Она скончалась в санатории, где провела две недели после инфаркта. Ее сердце перестало биться во сне. Здоровье вашей тети было чрезвычайно хрупким, она давно это знала. Ее организм несколько раз сигнализировал об этом, поэтому она сделала все надлежащие распоряжения, обо всем позаботилась... – Он постукивает пальцем по папке.

– Знаете, мы с ней были не очень близки, я даже удивлена, что она что-то мне отписала.

– Жизнь всегда полна сюрпризов, мадемуазель Демэ. Приходится быть к ним готовыми.

Я не спорю и молчу, поэтому он приступает к делу.

Сначала он изучает вместе со мной мое личное дело: «Федра Демэ, гражданка Франции и Канады, родилась в Монреале, Канада, такого-то числа...» и так далее. Потом заводит речь о наследовании, причем на языке, от которого я принимаюсь бесконтрольно зевать. Я приземлилась накануне в аэропорту Шарль де Голль, проспав всего четыре часа из-за кошмарной разницы во времени, и целых шесть часов провела за рулем. Мне хочется быть свежей и сообразительной, но до этого очень далеко...

Наконец-то мэтр переходит к сути.

– У вашей тети не было детей, поэтому она передала вам

все, что у нее было: картины, включая выставленные в художественной галерее, выручку от их предстоящей продажи, новый полноприводный автомобиль, старую ослицу, содержащуюся на Розовой конферме, дом в Корнеоте, оцениваемый в 480 тысяч евро, а также...

Я невольно присвистываю.

– Внушительная сумма!

– Действительно, – соглашается он и продолжает чтение: – Как я сказал, дом в Корнеоте, а также все банковские вклады и активы на сумму 512 350 евро и страховое возмещение в размере 551 тысяча евро. С этой суммы не будут взысканы налоги, так как ваша тетя оформила страховку, будучи на протяжении нескольких лет налоговым резидентом Канады.

Мое лицо тут же заливает краска. Как моя тетушка умудрилась настолько разбогатеть? Да, ей достались денежки моей бабки, но не была же та до того настолько состоятельной! Не припомню, признаться, чтобы бабушка вела соответствующий таким суммам образ жизни.

– Не знала, что она была так богата...

– Она хорошо зарабатывала продажей своих картин. Она была художницей с мировой известностью, но при этом жила весьма скромно.

Мне только и остается, что качать головой. Такое впечатление, что я пропустила немало страниц в романе ее жизни.

– Я довел до вашего сведения содержание завещания вашей тетушки, – продолжает он, – однако в нем есть ряд уточ-

нений, которые я должен вам сообщить.

– Внимательно вас слушаю.

– Во-первых, капитал по страхованию жизни должен пойти на полную реставрацию завещанного вам тетей дома.

Я разом бледнею и начинаю догадываться, что он имел в виду, когда говорил, что мне «понравится жить в Корноте»... Сама эта мысль вызывает у меня моментальное отторжение.

– Реставрация? Это невозможно, мне пришлось бы остаться здесь на многие месяцы, если не дольше... Я не была к этому готова.

– Вы всегда можете пригласить архитектора и прораба, вот только на оплату их услуг уйдет не меньше четверти всех средств.

Моя реакция следует мгновенно:

– Тетя вообразила, что я все брошу, засяду здесь и займусь ее домом? Это похоже на шутку.

Он огорченно поджимает губы, давая понять, что у меня нет выхода.

Это похоже на сон... Всю жизнь я наблюдала, как мама еле-еле сводила концы с концами, как мучительно решала, кому из нас двух положить лучший кусок мяса, кому купить обновку, а кто может и подождать; чаще ждала она, ведь я росла. В Канаде я работаю в книжном магазине, вовсе не купаюсь в деньгах и должна была идти на огромные жертвы, когда она заболела, ведь рак не делает подарков... У матери

не было ни зарплаты, ни страховки, пришлось влезть в долги, которые я понемногу возвращаю вот уже четыре года. При всем том я живу достойно и не намерена устраивать в своей жизни хаос ради того, чтобы отреставрировать дом тети, которая никогда мной не интересовалась. За девять лет они ни разу мне не написала – ни разу!

Я ей, правда, тоже, но ведь это она была взрослым человеком, а не я.

– Послушайте, чтобы приехать сюда, я, надеясь как можно быстрее продать дом и не зная, что все так обернется, поставила на паузу свою работу в Квебеке и сдала в субаренду квартиру. Я думала, что процесс продлится месяц, от силы два, пока все не будет оформлено, а саму продажу собиралась доверить агентству недвижимости. А вы мне объявляете, что это затянется на год с лишним?

Он опускает глаза и изображает улыбку, как будто это может меня подбодрить.

– Собственно, согласно предварительной оценке, заказанной вашей тетей, мадам Клаврей, для полной реставрации дома может потребоваться два года или даже три, если вы решите облагородить также и чердак.

– Два года? Это же целая вечность, у меня есть собственная жизнь!

Технически моя жизнь не полет в стратосфере, а «метро, работа, кровать». Скоро мне стукнет двадцать пять, а ни намека на серьезные отношения, ни денег на регулярные вы-

лазки на природу нет, не говоря об отпусках... На авиабилет сюда ушла большая часть моих сбережений, но это моя жизнь, и она мне дорога, даже такая.

— Позвольте мне договорить, — спокойно просит мэтр Тротта. — Ваша тетя успела отдать при жизни кое-какие распоряжения. Содержание ее ослицы оплачено вплоть до смерти оной, этим вам не придется заниматься. Налог на наследство и нотариальные расходы будут вычтены из ее банковских авуаров. Заведен специальный счет, с которого будут оплачиваться расходы на реставрацию дома, мебель и все необходимое, что вам придется приобретать. Потребуется, разумеется, строгая отчетность, на вас лежит обязанность предоставлять выставленные счета мне.

— Это безумие!

— Полагаю, об этом несколько преждевременно говорить, но вы будете избавлены от оплаты проживания и коммунальных услуг, поскольку обогрев, электричество и водоснабжение считаются необходимыми условиями для проведения ремонтных работ.

— Что будет, если я не истрачу всего на реставрацию?

— После выполнения необходимых работ остаток будет в вашем распоряжении. Вы будете вольны поселиться здесь или продать собственность и забрать целиком вырученную от продажи сумму. Только учтите, ваша тетя уже утвердила ряд смет, вы не сможете менять исполнителей работ без согласования. Они по большей части здешние предпринимате-

ли, для мадам Клаврей это было важно.

– А как же, вдруг я по присущей мне недобросовестности вздумала бы нанять халтурщиков из стран Восточной Европы, не избалованных высокой оплатой труда!

Он пропускает мой сарказм мимо ушей.

– Допустим, я соглашусь на это сумасшествие. Как прикажете мне выживать все то время, пока придется наблюдать за ходом реставрации? Зубы на полку положить, что ли?

– Ваша тетя позаботилась и об этом: вам полагается 1500 евро в месяц до завершения работ на срок не более трех лет, в общей сложности 54 000 евро.

– Даже не подумаю застрять здесь на целых три года!

– Эти выплаты сопровождает особое условие...

– Как же без этого!

Он укоризненно приподнимает бровь и продолжает:

– В случае досрочного завершения работ остаток будет перчисляться помесечно указанной в завещании структуре, занятой общественно полезной деятельностью.

Все совершенно ясно, все тщательно продумано.

Моя тетка, конечно, предусмотрела каждую мелочь, в этом она вся: обожала самодисциплину, хотела все контролировать, достаточно вспомнить, как по-хозяйски она обошлась с денежками моей бабки. И все же у меня вызывают настороженность все эти ее решения. Начиная с того, что ее выбор пал именно на меня.

– Мэтр Троттуа, прошу простить мне вопрос, на который

у вас, вероятно, нет ответа... Почему она назначила своей наследницей меня? Сразу завещала бы все структуре, которую вы упомянули.

Теперь я с трудом выдерживаю его суровый взгляд.

— Это же совершенно очевидно, мадемуазель Демэ. Семья была для нее важнее, чем это вам кажется.

Собственно, после этих его слов и я покинула нотариальную контору, подписав тонну документов и даже не подумав о простом варианте — отказе от наследства. Нагруженная последними административными и финансовыми инструкциями, я забрала ключи от теткиного дома.

Когда я сажусь в машину, у меня все еще дрожат ноги. Я точно буду еще долго вспоминать этот день, ведь я совсем не ожидала такого исхода событий. В голове полный кавардак: оставить на два года квартиру, страну? Или сохранить квартиру за собой, не забирать вещи, передав их на хранение своей квартиросъемщице? Она моя подруга, я уверена, что она не увидит в этом никакого неудобства, она как раз ищет для себя комфортное местечко и обожает маленький лофт, где я обитаю. Но у меня ощущение, что я угодила в мясорубку и уже не понимаю, что для меня хорошо, а что плохо. Может, вернуться к нотариусу и заявить, что я ошиблась и на самом деле не хочу теткиного наследства? Это бы сильно облегчило жизнь!

Я вздыхаю, потому что на самом деле это не вариант. После окончательной продажи усадьбы я смогу вздохнуть с об-

легчением и зажить совсем по-другому. Два года на реставрацию, извлечение максимума из новой ситуации и возвращение домой – все это должно пролететь как одно мгновение. Я закрываю глаза, делаю глубокий вдох и трогаюсь с места.

Солнце понемногу клонится к закату, еще час – и совсем стемнеет. Мне не хватает духу вступить в тетин дом прямо сейчас, другое дело – просто проехать мимо него.

Прошло столько лет, а я все еще помню дорогу. Я проезжаю сквозь Корнеот, за городком сворачиваю на проселок – и вот он, дом на вершине лесистого холма, возвышается над окрестностями, как загадочный замок, хотя правильнее сказать, что из желтеющей листвы выступает только его крыша.

Я торможу перед чугунными воротами, чернеющими между двумя толстыми каменными столбами, и опускаю стекло. Красивые ворота, ничего не скажешь: искусные чугунные завитки, сходящиеся двумя ажурными вертикальными стрелами створки, увенчанные полукружиями, которые складываются в лучистый солнечный диск. Мне вспоминаются разговоры о необходимости регулярно красить ворота. На окислившейся медной табличке, едва держащейся на двух маленьких болтах, еще можно прочесть загадочное название усадьбы – «Литтл Балморал». Рядом столбик с почерневшим от старости почтовым ящиком под острой псевдо-черепичной крышей.

Я закрываю глаза от нахлынувших воспоминаний. Мама

торопится за мной и кричит, чтобы я не слишком быстро бежала к этому ящику за почтой. Тетя пропалывает сорняки вдоль аллеи, я в свои пять лет учусь ездить на старом велосипеде по гравийной дорожке. Летнее солнце, ручей, журчащий за домом, птицы на ветвях елей. Как же я любила сюда приезжать!

Я вздыхаю, охваченная неожиданно подкравшейся ностальгией.

С Францией у меня связаны не только невзгоды, однако она для меня – несбыточная мечта. В шестнадцать лет, когда все кажется таким возможным, я думала, что хочу здесь жить, но сегодня я знаю, что окончу свои дни в Канаде, и хотя в двадцать пять лет еще рановато загадывать на будущее, я почти уверена, что дом моей тетки никогда не станет по-настоящему моим.

Напоследок я бросаю взгляд на табличку на болтах, почти не осознавая, что моя жизнь только что дала сильный крен, и уезжаю с комом в горле.

На сегодня хватит.

Завтра я сюда вернусь.

2

Адам

Горящие сроки и адские муки

– Лафай, Жиронден уволился, займись его делами!

Босс швыряет мне на стол бумаги, и они опрокидывают пустой, на счастье, стакан из-под кофе. Я таращу глаза.

– Что? Кроме меня, никого нет, что ли? Ты помнишь, что у меня с этого вечера отпуск?

– Ну и что? Кроме тебя – никого. Крайний срок сдачи ноябрьского интернет-репортажа наступает через пять недель, у тебя есть целых четыре, чтобы с ним справиться, времени еще вагон.

– Ничего себе «вагон», ты шутишь? Знаешь, сколько на меня и так навалилось?

– Как и на всех, Лафай, как и на всех. Разберись с нашим кадровиком и поменяй даты, если не хочешь пахать в отпуске.

– Ты серьезно? А если у меня заказан тур?

– У тебя заказан тур?

Я пожимаю плечами. Нет, конечно, я собирался две недели плевать в потолок у родителей в Лакано. Как же он меня достал!

– Отлично! – радуется босс, знающий меня как облуплен-

ного. – Вот тебе флешка Жирондена с железной дорогой, досье прессы и всеми его наработками, он разрешил ими воспользоваться. Взял и сделал от нас ноги в последний момент, разве так поступают приличные люди? Хотя с такой фамилией он наверняка поддерживает команду Бордо, это все объясняет!²

Типичная парижская болтовня... Мне бы постоять за себя и напомнить, что фрилансеры всегда подводят, но дело не в этом. Бордо ни при чем, причина в более высокой зарплате. Я вынужден заткнуться.

– Ладно, берусь, но за тобой должок.

– А как же! – Босс торопится к себе в кабинет, единственный отдельный на этаже, все остальные толкуются в общем помещении.

Понятно, почему я предпочитаю работать из дома. Этим утром тоже надо было остаться дома, но я сглупил и вот теперь расхлебываю.

Жюльен Да Сильва создал *La Passerelle* двадцать лет назад. Это не средство массовой информации, а команда журналистов – как фрилансеров, так и штатных, – сочиняющих статьи для печатных изданий. Нас дюжина, мы пишем для популярных газет и журналов: «Фигаро», «Монд», «Экспресс», «Эль», «Пуэн», «Мари-Клэр»... Ситуация всегда натянутая, потому что, даже если наши фрилансеры вечно норовят сделать нам ручкой, *La Passerelle* все равно старается

² Город Бордо – столица департамента Жиронда. (Прим. пер.)

не подводить своих клиентов, имея контракты с издательскими компаниями и отвечая перед ними деньгами. Просрочить всего на один день – значит нарваться на штраф. Да Сильва совершенно не заинтересован в том, чтобы искать замену сбежавшему журналисту, и если вместо него теперь приходится ишачить мне, то это потому, что я должен был заняться этими сюжетами с самого начала.

Я сбавил тему домов с привидениями Жирондену, как только он у нас появился, потому что мне было совершенно неинтересно в нее погружаться, а его вдохновляла возможность поездить по разным загадочным домам Франции и Наварры³. Меня эта тема не увлекает, эзотерический бред – нет уж, извините!

Я работаю у Да Сильвы уже пять лет, это первое мое журналистское место. Он хороший рулевой и умудряется выживать и даже расти в окружении жадных акул. Он ужасно требовательный начальник, но притом хороший руководитель, ценящий лояльность и безотказность, хотя я, кажется, не встречал другого настолько заинтересованного и гиперактивного человека, как он. Ни разу не видел его бездельничающим. Даже за обедом он непременно ведет телефонные переговоры. В туалете и то не выпускает из рук телефон. Если у него встреча, он хватается телефон раз десять, раздражая своих собеседников. Недаром его прозвали *SFR* – Французское радиотелефонное общество.

³ Провинция на севере Испании. (Прим. пер.)

– Фонтен, у меня обед через полчаса! – кричит он, высовываясь из своего стеклянного скворечника. – Когда вернусь, у меня на столе должна лежать статья для журнала «Наука и жизнь».

– Будет исполнено, шеф! – по-военному отвечает один из моих коллег-журналистов, вызывая у меня улыбку.

Да Сильва хочет, чтобы его называли «шефом», сам он ни к кому не обращается по имени, такое у него правило. Он не хочет превращаться в американца. Из правила бывают исключения – это когда он воркует по телефону с женщиной в режиме «обольщение» или беседует с клиентом, которого нужно умаслить. Всем известно, что он пройдоха и балабол, в этом причина успеха его компании. В этом – и в его «сладкой тирании». Он буквально напрашивается на этот и на другие оксюмороны.

Я смотрю на флешку, на которой не окажется ничего, что противоречило бы всему сказанному выше, и вставляю ее в свой компьютер. Встречу Жирондена – непременно выскажу все, что о нем думаю.

Посматривая его файлы, я удивленно присвистываю: этот тип не тратил времени зря. Он уже побывал по нескольким адресам, наснимал фотографий, настрочил записей, но я скрежещу зубами, представляя, сколько мистической чуши еще выпадет на мою долю.

В его списке остается три неохваченных дома: один на засоленных лугах в низовьях Соммы, другой в Берри, на зарос-

шей кустарником пустоши, третий в деревне в департаменте Крёз.

Я просматриваю подробности, относящиеся к третьему дому. В начале июля, когда мне поручили это досье, которое я потом сбаврил Жирондену, пресс-атташе *La Passerelle* запросил у департаментской прессы полезную информацию и получил, среди прочего, материал о Ренате Клаврей. Я тогда сразу поручил пресс-атташе устроить нам встречу. Она согласилась принять меня только после 17 октября. Я удивился, но согласился, потому что был с ней знаком.

До того как мои родители купили виллу в Лакано, у них был домик в Крёз, как раз в деревне Корнеот, облюбованном художниками захолустье, где мы всегда проводили лето. Рената Клаврей тоже была художницей, владелицей старой усадьбы, где она отремонтировала первый этаж. Она купила ее, чтобы ухаживать за больной матерью.

Она была в некотором роде лицом деревни, но, главное, приходилась тетушкой Федре, моей первой настоящей любви. Дело было в 2016 году, когда мне было семнадцать лет, а ей – шестнадцать.

Федра провела в Корнеоте пять недель, пока ее бабушка лежала на смертном одре. Обстановка у них была далеко не радостная, Федре хотелось отвлечься, а тут подвернулся я, влюбленный и согласный на все.

Я вспоминаю то лето с некоторой ностальгией. Мы плохо знали друг друга, но не расставались, неуклюже занимались

любовью на соломе в старом заброшенном сарае и безостановочно целовались. Однажды она даже сбежала без разрешения из дому ради свидания со мной на берегу реки Крѐз. Нам хотелось переночевать вдвоем под звездами, но мы так замерзли и вымокли на траве, что сдались уже через два часа. Я помог ей влезть в окно ее комнаты на первом этаже, где ее с суровым видом дожидалась, сидя на кровати, мамаша. Думаю, та меня недолюбливала, а после этого случая и подавно невзлюбила. Она растила дочь одна и почти никогда не улыбалась, можно было подумать, что солнце светит не для нее. Со своей сестрой она была на ножах. Когда бы я к ним ни заявился, они либо обменивались колкостями, либо почти на разговаривали друг с другом. Обстановка складывалась удручающая.

Потом бабушка Федры умерла, и моя любовь упорхнула в Канаду, даже не простившись со мной, где жила, как будто меня не существовало. Так я познал суровую правду жизни и научился не спешить доверять людям.

Конечно, я никогда не получал от нее вестей, поэтому, увидев фамилию ее тетки в подборке прессы, сначала не поверил своим глазам.

Теперь вот сижу и гадаю, как сложилась судьба этой девушки. Сколько ей сейчас, двадцать четыре года, двадцать пять? Не уверен, что помню день ее рождения. Наверняка она так и живет у себя в Канаде, может, вышла замуж, а может, закоренелая холостячка вроде меня. Признаться, мне

случалось искать ее в социальных сетях, но всегда безрезультатно. Помнится, она с сомнением относилась к современным технологиям – конечно, глупо для девушки ее возраста, – но она умудрялась обходиться даже без сотового телефона. Зато у нее были самые красивые зеленые глаза, какие я только видел, длинные волнистые каштановые волосы, веснушки на носу и на щеках, притягательный загар. Она считала себя полноватой, но я находил ее просто замечательной.

– Я не уложусь в срок, – сетует за своим компьютером Фонтен. – Когда работа наваливается в последнюю минуту, недолго и свихнуться.

Я улыбаюсь. Еще одна жертва Жюльена Да Сильвы.

– Такое уж у нас ремесло, старина. Сколько слов?

– Четыре тысячи, а тут и сотню лень из себя выжать.

– Может, махнемся? Возьмешь мою тему, «дома с привидениями»?

Вижу, как он кривится.

– Сколько слов?

– Десять тысяч, плюс интервью с владельцами самих домишек. У-у-у-ух! Как тебе новый вариант «Американской истории ужасов»?

Ему смешно.

– Легче сдохнуть! Нет уж, предпочитаю паранормальным явлениям старую добрую науку.

Фонтен у нас всего год, пришел со свежим дипломом и забрал себе все связанное с искусственным интеллектом. По-

следняя его статья была про способность ИИ проанализировать по одной-единственной фотографии плаценту и обнаружить у новорожденного потенциальные аномалии. Два дня он ворчал, что опасно мнить себя Богом, это чревато проблемами.

Через всю комнату летит шарик из скомканной бумаги, цель – стол Фонтена. Он разворачивает записку, читает, корчит рожу и сердито поворачивается к коллеге у дальней стены, помирающему со смеху. Фонтен показывает мне, что ему прислали: формулу $E=mc^2$, обведенную сердечком.

Я с улыбкой возвращаюсь к своим делам.

Как я погляжу, Жиронден успел договориться о встрече с владельцами нескольких домов с привидениями. Первая, в Берри, назначена на завтра, вторая, на Сомме – на вторник. Плакал мой отпуск. Мне не хватает бранных слов в адрес Жирондена.

Судя по записям пресс-атташе, привидение особняка в Берри – бывший повар. Там уже полвека никто не живет, но стоит туда заглянуть, как раздается скрежет заточки ножа. Что тут скажешь?

Что до привидения из низовьев Соммы, то оно дважды в год устраивает потоп на полях и в самом доме. Смех, да и только: дом стоит на лугу, затопляемом морской водой, и имя тамошнего зловредного привидения – штормовой прилив. Скорее всего, дом страдает от капризов старого, как мир, цикла приливов и отливов.

Что касается усадьбы в Корнеоте, куда я должен явиться 17-го октября и где бывал в юности, то там обитает, похоже, весьма назойливый дух, чье присутствие особенно явственно ощущается в полнолуние. Представляю, чего там наслушаюсь... Впрочем, я удивлен, что мадам Клаврей потрудилась связаться с *La Passerelle*. С одной стороны, ее жилище и правда смахивает на классический, выдавший виды дом с привидениями в Диснейленде, но с другой, ее племянница ни разу не обмолвилась, что ее тетка сталкивается с проблемами такого рода и что в доме происходит что-то странное. Но что бы ни творилось в доме, куда нас зовут, удивляться не приходится. Большинство людей выдумывает невесть что, принимая издаваемые грызунами шорохи за лязг цепей на ногах у привидения. Сколько таких желающих пригласить шарлатана для изгнания духов, хотя при ближайшем рассмотрении эти бедняги оказываются всего лишь жертвами мышей, плодящихся под кухонным плинтусом!

Я откидываюсь в кресле и потягиваюсь.

Корнеот! Даже не верится, что судьба опять занесет меня туда. После скоротечного романа с Федрой я попал в эту деревню всего раз, в октябре 2018 года, когда родители продали дом. Все ноябрьские выходные по случаю Дня всех святых мы паковали вещи, а потом я покинул деревню без тени сожаления, оставив за спиной единственный настоящий призрак, населявший мои юношеские грезы, – память о Федре Демэ.

Она никогда не узнает, сколько раз я боролся с побуждением посетить ее тетку и попросить у нее адрес Федры. Я был юн, но не чужд гордыни. Если эта особа не посчитала нужным сообщить мне о своем отъезде, значит, у нее больше не было желаний со мной видаться.

Надо кончать с ностальгией. Адам, старина, у тебя по горло работы и три командировки в ближайшие дни.

Здесь у нас это называется «горящие сроки и адские муки». Нет, ты не заслужил от меня благодарности, Жиронден.

3

Федра Чародейка

4 октября

Между Гере и Корнеотом больше не ходят поезда, поэтому после завтрака, в 10:15, мне пришлось сесть на автобус. Моим планом это не предусмотрено, но зачем пользоваться арендованной машиной, раз мне достался в наследство полноприводный теткин автомобиль, дожидаящийся меня, по всей видимости, в гараже?

За стеклом разворачиваются местные ландшафты: луга, поля, кустарники, мелькают километровые столбы – и ни единого признака жилья. Недаром эти места зовутся «диагональю пустоты». Такое впечатление, что коров здесь раза в четыре больше, чем жителей.

Мне знакомо одно место, похожее на это, – Канада. В некоторых отдаленных районах приходится гнать на машине пять часов и даже больше, чтобы попасть в следующий город. Масштабы и климат, конечно, совершенно другие, но Крёз, плодородный и аутентичный, действует на меня

немножко «по-канадски».

Моя тетя всегда называла Корнеот источником вдохновения и покоя, необходимых для ее творчества. По тем же самым причинам эту долину облюбовали и многие другие художники. Ничего не скажешь, от здешних пейзажей захватывает дух, холмы поражают пестротой красок, лощины – своим головокружительным ландшафтом, перелесками, ручьями... В любой здешней деревне обычно насчитывается не больше полутысячи жителей, и это притом, что сорок процентов из них – пенсионеры. Спору нет, мало кто торопится переезжать сюда жить, но я в былые времена многое отдала бы за такую возможность.

К собственному удивлению, я ловлю себя на том, что улыбаюсь. Любовь могла принудить меня к самым опрометчивым поступкам, но реальность и зияющая дыра в сердце, оставленная во мне той любовью, очень быстро меня вразумили, чему я только рада.

Автобус доезжает до Корнеота за тридцать пять минут и останавливается перед почтой, симпатичным каменным домиком с зарешеченными окнами. Если верить вырезанной на каменном фасаде надписи, то это «Почта – Телеграф – Телефон». Корнеот – это подлинность в чистом виде.

Я вылезаю из автобуса с большим чемоданом и с рюкзаком на спине, жалея, что не сняла куртку, в которой улета-ла из Монреаля. На часах еще нет одиннадцати, а на улич-ном термометре уже двадцать один градус. Удивляться здесь

нечему, просто я забыла, какой мягкой бывает здесь осень.

Дорога до усадьбы займет минут двадцать. Я шагаю в сторону центра. Машин на улицах гораздо больше, чем накануне, а все потому, что на календаре суббота, базарный день.

Площадь перед мэрией заплотнили синие, желтые и полосатые матерчатые навесы, защищающие прилавки от солнца. Несмотря на тяжелый чемодан, я решаю пересечь площадь, а не обходить ее, чтобы насладиться видом и ароматом свежих фруктов и овощей, цветов, пряностей, сыров, горячего хлеба. Уже всюду идет торговля каштанами.

Крики продавцов, скрип колес, праздничношатающиеся, буйство запахов... Не проходит и минуты, как я погружаюсь в эту характерную для Франции атмосферу и уже не могу побороть желание купить что-нибудь, чего не найдешь больше нигде на свете.

Делаю выбор в пользу куска картофельного пирога и местного орехового пирожного, тем и другим славится здешний осенний рынок. Потом покупаю у пекаря деревенский багет, а на прилавке с сырами выбираю шмат местного сыра потолще. Теперь у меня есть все основания улыбаться до ушей: добравшись до усадьбы, я как следует подкреплюсь.

Вспомнив, где лучше срезать, я оказываюсь на улочке с односторонним движением и там удивленно разеваю рот, до того роскошны оранжевые хризантемы и желтые цикламены на всех подоконниках. Выбор говорит о смелости хозяек, все же эти осенние цветы чаще видишь на могилах из-за

их устойчивости к холоду, но нельзя не признать гармоничность композиций с участием физалиса, вносящего теплоту. Чуть дальше стены густо увиты диким виноградом, только начинающим желтеть. Улица покоряет своим очарованием, но я знаю, что таких улиц в деревне много. Корнеоту присущ особый шарм старины, с ходу покоряющий любого чужака.

Я иду по узкому тротуару. Вот этого магазинчика здесь раньше не было, он вообще один на всю улицу. На вывеске написано: «Чародейка».

Мимо такой витрины трудно пройти: карты таро, часы с маятником, ладан, магические камешки, книги о потусторонних мирах, свечи... Никогда бы не подумала, что в Корнеоте появится лавка эзотерики. Часто ли в нее заглядывают покупатели? Я пытаюсь разглядеть, что у нее внутри, но там не горит свет, ничего не разобрать. Из чистого любопытства смотрю дни работы: вторник – утро воскресенья. Тут же маленькое объявление: «Ищу продавца, три дня в неделю: среда, четверг, воскресенье до полудня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.